

ЧУЧЕЛКА И КЛИНИКА

Пушкин в подвале и в сияющих высотах

Критики редко спускаются в подвалы, даже арт-подвалы. Особенно, если это не что-то авангардное. Все же спустились в арт-подвал на проспекте Добролюбова, где нынче ютятся «Наш театр», руководимый Львом Стукаловым. В результате спуска спектакль «Пушкин. Борис Годунов», а также режиссер были награждены высшей театральной премией Санкт-Петербурга «Золотой софит» 2019 года.

Стукалов в прологе к спектаклю не мог не поиронизировать по поводу «настоящих театров». «Вот если бы мы были настоящим театром, у нас было бы много света, плунжеров, аквариум с голой Мариной Мнишек...» В «настоящих» больших театрах сравнительно недавно показали «Бориса Годунова». Ленком представил Пушкина в постановке Константина Богомолова, а калыгинский «Et cetera» — в постановке Петера Штайна. Обе премьеры при всем их различии почему-то радости не вызвали. «Борис Годунов» по-прежнему остается для театра загадкой.

У Стукалова не только возможности скромнее, но и озвученные задачи вроде «мелкие»: всего лишь «прочесть» пье-

су Пушкина. В этом обещании есть свое лукавство. Да, было чтение, но были и дополнения. Пусть в рамках «бедного театра». Скажем, соломенная чучелка с волосами мочалой. Это как бы Гришка Отрепьев. Чучелка с самого начала сидит в кресле — ждет момента, когда Пушкин-кукловод его вытащит на середину сцены. «Что еще за Пушкин?» — спросите Вы. «На ком цилиндр, тот и Пушкин», — говорят в спектакле.

Чаще всего цилиндр надевает Сергей Романюк и читает за Отрепьева — конфликтная фигура в пушкинской драме. Романюк выступает в роли кукольника: придает чучелке позы. Скажем, закручившегося гуляки в корчме. Впрочем, четкого разделения по ролям между исполнителями нет. Хотя Дмитрий Лебедев чаще «читает» с характерностью за Василия Шуйского. Сам Стукалов (не хватает актеров) выступает за Пимена и, в большинстве случаев, за Бориса. Все обозначают народ и войско Самозванца. Именно обозначают.

В пушкинские ремарки временами врываются режиссерские подсказки, ассоциации. При первой встрече Шуйский с Гаврилой Пушкиным напоминают Стукалову

«Пушкин. Борис Годунов». Л. Стукалов и Д. Лебедев.
Фото Н. Губенко

«Пушкин. Борис Годунов».
Сцена из спектакля.
Фото Н. Губенко

больших птиц. Романюк с Лебедевым птицам и подражают. Есть в спектакле и другие звери. Например, разбитое войско уподоблено собачкам. Марина на балу напоминает шемаханскую царицу. Костюмы? Какие же костюмы у «ненастоящего театра»? Черная прозодежда и большой кусок узорчатой тяжелой ткани. Его набрасывают на плечи то Борис, то Патриарх, то выросший до гигантских размеров чучелка — Лжедмитрий. Правда, в сцене допроса Рожнова ткань похожа на ширму кукольного театра, над ней перекатывается увеличившаяся, угрожающая голова. Вслед за этим буквально реализуется метафора: «Самозванец разбит наголову», — на полу валяется голова чучела.

Может быть, труднее всего из исполнителей приходится **Ольге Кожевниковой**. Она — за Марину, корчмарку, царевну Ксению, царевича Феодора и Дмитрия. Ксения поет свой стих почти как арию. Кожевникова перевоплощается отменно. В Марине она начинает сцену у фонтана совершенно неожиданно. Этакая близоручая барышня, не может в темноте разглядеть, кто на скамейке сидит: Лжедмитрий или какой-нибудь хулиган. С чучелом Мнишек обращается по-свойски, словно с куклой или ребенком: щупает его, бросает на пол, сажает на колени. Сцена смешная.

В предыдущем юбилейном приступе к

Пушкину иностранцы (то есть Мнишек и компания) в спектаклях Александринки и БДТ были зловещими оккупантами. Стукалов не из пугливых. Он вместе со своей актрисой «подает» Марину, скорее, иронично. Впрочем, и весь спектакль ироничен. Вот народная сцена на Девичьем поле. Обычно все персонажи заняты многозначным текстом, но Стукалов представил, когда это реально происходило. Февраль. Самая зима. И у народа зуб на зуб не попадает.

Сложные батальные сцены — их нельзя воспроизвести буквально — переводятся в план почти детской игры. Битва разыгрывается условными движениями рук на столе, фактически, с помощью ритма. Скачка отрепьевского войска изображена чучелом на козле, убиенным Дмитрием на палочке. Да, покойник тоже вошел в число действующих лиц. Он и мстит Борису, и разыгрывает трогательную сцену с Юродивым. Тот поет ему колыбельную песню «Месяц светит». В связи с этим не могу не вспомнить веселый пионерский праздник в Угличе, который ежегодно устраивался в годовщину убийства царевича Дмитрия. Кто чем славен... Кстати, Юродивый-Романюк сливается с Пушкиным в неизменном цилиндре.

Под финал, когда бы и надать трагедии (предсмертный монолог, убийство борисовых детей), режиссер вдруг вмешивается в

«Пушкин. Борис Годунов».
Сцена из спектакля.
Фото Н. Губенко

действие и после загадочной паузы заявляет: романтический монолог, когда у чело века последние судороги, как-то некстати. Однако ж волю автора надо уважать. И Лебедев изображает саму по себе физиологию смерти (хрипит, дергается), а Стукалов, без всякой оперной красоты (но под девичий напев), зачитывает монолог. Режиссер не искажает пьесу, как это делается в большинстве случаев нынче, а вставляет аппарты-комментарии. Кого бы, к примеру, хотелось услышать читающим монолог «Достиг я высшей власти». Высоцкого, Петренко, Луспекаева. Или Олега Борисова? Представляя себе актеров с мощными голосами, Стукалов все-таки склоняется к хриловатому голосу, всячески избегая патетики. Этакий маленький, сухонький старичок.

Масштабную, многофигурную пьесу играют семеро, то есть четыре «солиста» и три черницы. Они изображают хор в прямом и переносном смысле. В «Нашем театре» хорошо поют или тянут ноту в сцене Чудова монастыря. Вой ветра изображают.

Это спектакль живой, многокрасочный, в широком смысле слова, музыкальный. При малых средствах режиссер очень изобретателен. Он оригинален, самоволен, однако внимателен к автору, и это отличает спектакль от разнообразных игрищ с классиками. 30 зрителей возбужден-

но следят за двухчасовым представлением.

А на другом конце города мы поднимаемся по шикарной лестнице к буфету и фойе, потом проходим в сияющий большой зал прославленного академического театра имени Ленсовета (не какой-то подвал с полумраком). И сверкающие свежепозолоченные купола Владимирского собора как бы отбрасывают свое богатство на театральное искусство.

В «новом» театре вариантов сценического пространства не так уж много. Как правило, либо черный ящик, либо белый ящик. Режиссер **Евгения Сафонова** выбрала для спектакля «**Пиковая дама. Игра**» «стерильную» комнату, нечто среднее между больничной палатой и казармой. С двумя лестницами. Лестницы нужны для того, чтобы убогие люди не могли на них подняться. Собственно, они даже не люди, а монстры. Герман-даун, Томский-шизофреник, Лиза-дергунчик в короткой юбочке — нимфоманка. Это, конечно, не все. Опробуется и стилистика кукол-автоматов. Лиза приближается к вампирше. Герман ко всему прочему вызывает ассоциацию с насекомым из «Превращения» Ф. Кафки.

Но между Кафкой и Пушкиным пропасть. Каждый велик по-своему, однако общего между ними нет. Пушкин принес в русскую литературу язык, культуру, удивительную

простоту, естественность и гармонию. Все это уничтожено в спектакле. Персонажи — к ним надо прибавить загадочного трансвестита-манекенщика в исполнении **Романа Кочержевского** — нарочито неестественны. Критики так и не угадали, что обозначает фигура в дамских босоножках и перчатках со стразами. Может быть, он и более естественен рядом с Германом, Томским и Лизой. Те корчатся, вытаскивают из ушей воображаемые ленты, оглаживают черным «письмом» интимные места и т.д. Заметим, у нас в городе есть театр, где всякого рода патологии изображают с медицинским знанием дела, подробно и смешно. Я имею в виду Небольшой драматический театр Льва Эренбурга. Патологии от Евгении Сафоновой чрезвычайно скучны. Через 15 минут после подергиваний на фоне проецируемых на стену фраз из Пушкина становится нестерпимо. Пушкин мешает, болтается под ногами.

Вероятно, понимая это, режиссер ищет контраст и находит его в самом органичном актере труппы, **Александре Новикове**. Практически, он палочка-выручалочка для всех модерн-режиссеров. Кроме того, он человек верный этим режиссерам. Поэтому его все любят: и зрители, и постановщики. Он сумел внушить себе, что делаемое им на сцене — правильно. А как же иначе жить? И, получая третий «Золотой софит» за очередной опус Константина Богомолова в «Приюте комедианта» (Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании»), Новиков провозгласил: «Театр — разрушение стереотипов».

Не буду спорить с популярным и симпатичным артистом, но где вы найдете в драме стереотип исполнения «Пиковой дамы»? Бывая в свое время регулярно на Пушкинском театральном фестивале, я ни разу не видел бытово-психологической «Дамы», в старомхатовском стиле. Даже в далеком Рыбинске рассказывали про будни современной психиатрической лечебницы. Спектакль Игоря Ларина был очень далек от традиции, но получился остроумным, оригинальным, талантливым. Традиционные были постановки оперы П.И. Чайковского, но тоже в прошлом.

«Пиковая дама. Игра». Лиза — Л. Шевченко, Герман — Г. Чабан

Артист А. Новиков в серебристом эстрадном костюме выходит к рампе и мрачным голосом примерно с промежутком в полчаса трижды зачитывает один абзац про игру в фараон (из «Квартеронки» Майн-Рида). В третий раз он и сам не мог сдержать улыбку. Что приобрел зритель от того, что Новиков в роли Графини произносит во все более ускоренном темпе, как испорченный патефон, фразы воркотни по адресу Лизы или, развалась в кресле (в серо-голубой шубке), басом рявкает Герману: «Это была шутка». Пусть автоматизм мышления, абсурдизм, но абсурдизм Беккета, Ионеско имеет свою логику, обладает комизмом. В спектакле все не смешно и даже не гротескно. Однообразие не может быть главным и эффективным приемом. Только желанием удивить и пощекотать нервы публики можно объяснить эпизод явления призрака Графини. Призраком вышла на заднем плане обнаженная **Лидия Шевченко**, в данном случае, не Лиза. Почему же не Новиков? Вообще-то «Пиковая дама» — вещь эффектная сама по себе.

Добрые критики находят глубокий смысл во всем. И в том, как Кочержевский снимает босоножки, и в том, что все действующие лица выходят на поклон в лимонных костюмах (привет художнику по костюмам **Сергею Илларионову**). Сафонова назвала свой опус «сюрреалистическим триллером». В Москве (Электротheater Станиславский) «Тартюфа» именуют «футуристическим триллером». На триллер, предполагается, побегут.

В анонсах театра ленсоветовскую «Пиковую даму» именовали первым российским триллером. Реклама внеисторична. Первый русский триллер («Повесть о Дракуле») появился в XV веке, в первой трети XIX в. (1825) опубликована «Лафертовская маковница» А. Погорельского, чуть позже повести О. Сомова («Приказ с того света» и др.). В «Пиковой даме» мы находим явные мотивы «Маковницы». Что же касается сюра, то надо обладать гораздо большим воображением, чтобы стать новым Сальвадором Дали, чем располагает начинающая постановщица Евгения Сафонова.

В нынешней ситуации меня тревожит не столько судьба Пушкина (он и не такое пережил), сколько судьба Театра им. Ленсовета и «Нашего театра». Профессиональный, талантливый театр Стукалова, который славился оригинальными спектаклями («Женщина в песках», «Лягушки», «За спичками», «Пигмалион», «Стриптиз» и др.), был изгнан из помещения Театра Эстрады — теперь популярный Юрий Гальцев вволю показывает там поделки не лучшего вкуса. Без денег, без штата, без сцены Стукалов и его артисты все равно сделали представление, достойное любого большого театра. Вопрос в том, кому нужно это испытание на выносливость актеров и режиссера? И сколько зрителей не увидят «Бориса» в зом-местном зале?

Что же касается благополучного академического театра, то он пытается устроиться между двух стульев. Новый художественный руководитель **Лариса Лупшиан** тяготеет к актерской традиционной режиссуре **Олега Левакова**. Он поддерживает имидж легкого комического театра (хотя может поставить и А.Н. Островского). Вот сейчас выпустил премьеру «**Этого милого старого дома**»

«Пиковая дама. Игра». Графиня — А. Новиков

по **А. Арбузову**. Однако значительная часть звездного состава труппы прошла выучку Юрия Бутусова и хочет дальше работать в его стиле (но не на его уровне), продолжать экстравагантную модернизацию классики. Этот стул «мастерят» Роман Кочержевский («Мертвые души»), теперь Евгения Сафонова. Конечно, актеры-ленсоветовцы могут играть в любой манере. Между двумя репертуарными крайностями — безусловно, режиссерски выстроенный спектакль «**Беглец**» по «**Казакам**» **Л.Н. Толстого** молодого **Айдары Заббарова** (режиссера театра «Современник»). Работа достойная, умная, хорошо сыгранная, но на малой сцене и не скандальна. Кто кого переборет в труппе, трудно сказать. Боюсь, зритель, в любом случае, окажется в убытке. Чем кончится борьба за Пушкина и с Пушкиным, тоже непредсказуемо. Однако убеждение, что зритель в массе своей хочет «рвать и метать» великую литературу, на мой взгляд, ни на чем не основано.

Евгений СОКОЛИНСКИЙ